

Захар Прилепин

Захар Прилепин

ЛЕТУЧИЕ БУРЛАКИ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П76

Оформление переплёта — *Андрей Фerez*

Прилепин, Захар.

П76 Летучие бурлаки / Захар Прилепин. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. — 349, [3] с. — (Захар Прилепин: публицистика).

ISBN 978-5-17-088415-5

Захар Прилепин — прозаик, публицист, музыкант, обладатель премий «Большая книга», «Национальный бестселлер», «СуперНацБест» и «Ясная Поляна». Автор романов «Обитель», «Санья», «Патологии», «Чёрная обезьяна», сборников рассказов «Грех», «Ботинки, полные горячей водкой» и «Восьмёрка».

В книгу «Летучие бурлаки» вошли новые, не публиковавшиеся ранее эссе Захара, написанные в последние три года: о «либералах» и «патриотах», о детях и семье, о литературе и кино — все они неизменно вызывали широкую полемику в обществе.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088415-5

© Захар Прилепин
© ООО «Издательство АСТ»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Всё получилось само собой</i>	7
Скажу о том, о чём верней смолчать	11
Летучие бурлаки и улыбчивые дворяне	19
Имя, которое надо заслужить	24
Письмо товарищу Сталину	33
Почему я не либерал	39
Внук за бабу, бабка за дедку, дедка за репку	46
Сортировка и отбраковка интеллигенции	55
Убью своего адвоката	68
Свобода начинается с зачистки	74
Национальная идея? Мы уже придумали	84
Путешествие на воздушном шаре в идеальной компании	91
Как скажешь — так и будет	97
Один день из жизни многодетной семьи	101
Фхшщжсргсц	108
Три эпохи взросления	114
Мужчина и женщина: найди десять отличий	119
Похвала ханжеству	124

Захар Прилепин

Доброкачественные люди	130
Беспризорные старцы в оранжевых куртках	137
Скептик, спрячь свою губу	144
Дети, шапка Мономаха думает о вас	153
Госдуму не удержишь за узду	157
Иногда лучше петь, чем говорить	163
Выцветшее пятно на месте портрета	170
Считалочка	177
На фоне Европы чувствую себя всё лучше	183
Русские в английских зеркалах	192
Диагноз, ставший эпитафией	197
Рецепт нового коктейля, или Гимн голодным	208
Иди ко мне, я буду твоим господином	215
Шарик улетел	221
Случай на этом берегу	225
Мне спится всё лучше и лучше	233
Чудесно без чудес	242
Свет и смысл	247
Девочка, откуда у тебя такие большие дети?	253
Убить в себе актёра	259
Война творцам	267
Достоевский круче, чем нефть	275
Человек и К	285
Хождение по счастью	290
Враг мой самозванный, всё только для тебя	297
Лимит на эволюцию исчерпан	303
Клуни сыграет нас всех	315
Двойной стандарт как форма жизни	325
Оно оживает	332
Юный, злой, левый	336
Вызываю на себя огонь, холод и камнепад	342
Ничего личного, кроме обезьяны	347

Всё получилось само собой

Ряд эссе, составивших данную книжку, прочитало большее количество людей, чем мои романы или рассказы.

«Письмо товарищу Сталину», «Доброкачественные люди», «Почему я не либерал» – эти статьи перепечатывались в газетах с миллионными тиражами, выкладывались на десятках сайтов, на них до сих пор дают всё новые ссылки в социальных сетях. Из ответов на «Письмо товарищу Сталину» можно было бы сделать отдельную книгу, но мы не будем этим заниматься.

Другие эссе, напротив, никто толком не читал – потому что писались они для зарубежной периодики либо для провинциальных малотиражных изданий.

Некоторые из собранных здесь текстов сначала появлялись на сайте «Свободная Пресса», после чего, как правило, перепечатывались в газете «Советская Россия», а следом – лучшие из них – публиковались в журнале «Наши современник».

Захар Прилепин

Другая часть статей была опубликована в журнале “Story”, куда я перебрался, когда понял, что в «Огоньке», где несколько лет был постоянным колумнистом, меня уже не очень ждут.

Пользуясь случаем, хочу сказать, как я благодарен Владимиру Чернову – создателю “Story” – не столько за возможность публиковаться (с этим никогда не было никаких проблем, проблема – помолчать год-другой), сколько за поддержку. Светлая память, Владимир Борисович.

Ещё часть статей была обнародована в разнообразном глянце, названия которого я сейчас не упомяну.

Несколько текстов сохранились от лучшего в России за последнюю четверть века журнала (во втором явлении – интернет-портала), который назывался «Русская жизнь».

Основные претензии по поводу этого сборника мне известны заранее.

Главная: почему так много о либералах.

Ничего не много: дюжина статей.

«Ты нас ругаешь, а мы и так лежим, побиты и растоптаны, как тебе не стыдно!»

Как будто когда, к примеру, Лесков или Достоевский ругали либералов – либералы управляли страной. Тогда либералов в подзорную трубу было не рассмотреть, но что-то заставляло уважаемых классиков с маниакальной привязчивостью говорить о волнующем их.

Какие-то нехорошие предчувствия двигали ими, не правда ли?

Потому что сегодня – да, либеральные деятели вроде бы растоптаны и побиты; а завтра смотришь – а они уже здесь, уже в силе, уже в праве, уже во главе.

«Они всегда возвращаются».

Что до моих побуждений говорить об этом – то и здесь у меня всё как-то случайно, само собой получилось.

Всё получилось само собой

Я вполне мирно воспринимаю либерализм в качестве идеологии; просто зачастую те, кого я называю либералами в России, таковыми являться не вправе по определению. Но если вам, читатель, нужно, чтоб я их называл другим словом, – придумайте его. Либо выгоните этих самозванных либералов отсюда, чтоб они не портили такое славное (впрочем, всё равно во многих частностях глубоко чуждое мне) учение своим видом.

О российском либерализме (после моего осознанного бешенства девяностых – начала нулевых) я заговорил ни с того ни с сего через полгода после Болотной площади, и потом не мог успокоиться в течение пары лет. Каждые две недели я писал новую колонку о либералах в тщетной надежде хоть что-то им доказать. Не тут-то было.

Следом началась украинская эпопея, в которой российские либералы в целом выступили не на стороне России и людей, считающих себя русскими, а на какой-то своей стороне.

Увидев всё это, я наконец уgomонился, потому что стало ясно: пару лет я стрелял именно по тем мишеням, по которым следовало стрелять, – и теперь все вопросы сняты.

Выяснять больше нечего. Российский либерал оказался ровно тем, что я о нём говорил и думал.

С тех пор я с куда большим удовольствием пишу о детях (что может быть важнее), о моде, о погоде, о литературе наконец. Или – о себе, если приходится к слову.

Нисколько не меньше, чем действительно утратившие свой лоск либеральные деятели, меня интересуют воспрянувшие и расправившие свои свиные крыла патентованные «государственные патриоты» – об этой подлой породе тоже приходится говорить.

Многие тексты, которые писались в недавнее время по конкретным поводам, сюда не вошли – ради них мы, быть может, сделаем отдельную, дневниковую книжку, чтобы по-

Захар Прилепин

нять, в чём приходилось ошибаться, а где сказанное – било в цель.

Что до нижеприведённых статей – то, написанные в последние три года, они, к сожалению, актуальности не утратили. Я прочитал их сегодня с тем чувством, будто вчера вечером написал: они тёплые и слегка наэлектризованные.

Посмотрим, что будет с ними, скажем, года через три.

Книгу эту я поначалу хотел назвать «Юный, злой, левый». Потом подумал, что её можно назвать «Старый добрый консерватор». В России это одно и то же.

В итоге назвал так, как написано на обложке.

СКАЖУ О ТОМ, О ЧЁМ ВЕРНЕЙ СМОЛЧАТЬ

Русская душа — понятие ругательное. Если хочешь прослыть чудаком, а то и дураком — с болью, всерьёз говори про русскую душу или русский характер.

У Сергея Есенина была такая, почти уже непоэтическая строчка: «Я люблю Родину. Я очень люблю Родину». Размер сломан: душа безразмерна.

Если сегодня такое сказать — пожмут плечами, скажут шёпотом: «Наверное, на зарплате», — и кивнут головой в сторону невидимого за снежной мглой Кремля.

Русская душа боится говорить вслух, не хочет принимать решений. В России все глобальные решения принимают природа, поэзия, география.

Но неправда, что в России всё размыто, невнятно.

Напротив, у нас всё очень ясно: зима, весна, лето, осень. Времена года — не перепутаешь, не в Греции. Вот валенки, вот калоши, вот босой пробежался,

Захар Прилепин

вот пора резиновые сапоги натягивать, а то грязь до горизонта.

Русская душа живёт тихо, как картошка в подполе, никого не учит жизни.

Мне случается бывать за границей, и, едва приезжаю в чудесный Париж, мощный Берлин, непостижимый Рим, великолепный Нью-Йорк, преисполненный достоинства Лондон или даже в печальную, очаровательную Варшаву, сразу начинаю что-то объяснять местным про свою страну. То есть не я первый начинаю — это они спрашивают, мне приходится отвечать.

«Ну что у вас там с этим? — спрашивают. — Ну что у вас там с тем?»

Что, мол, кран не завернули, опять лужа. Да там всегда была лужа, говорю.

А что настроили там опять, тюрьму, что ли? Не знаю, говорю, может, и тюрьму.

Россия всегда как бы виновата. Даже если, скажем, в Грузии что-то разошлось по шву, или на Украине не срастается, — наша вина.

Антарктида, Азия, какая-нибудь Америка — всегда может русский след найтись, всегда можно с русско-го спросить.

С одной стороны, есть внутри радость, что о нас беспокоятся, о нас думают, нас, можно сказать, жалеют.

С другой стороны, вот вы представляете себе такую ситуацию: приехал к нам француз, мы пошли его встречать, и с ходу спрашиваем: а что, мол, лягушатники, за разврат вы устроили там у себя?

«Какой разврат?» — спрашивает озадаченный француз.

Скажу о том, о чём верней смолчать

Мы ему: «Известно, какой. Отвечай давай, что происходит».

Француз виновато улыбается, смотрит по сторонам — может, кто знает ответ, — а мы ему: «Чего умолк?»

Нет, здесь такого быть не может. Никто не спросит с француза, с португальца, с хорвата или даже с немца ни за что.

Нет у нас ни вопросов, ни ответов.

Русский может проявить браваду, но и то — спяну, или если раззадорят.

Иногда толпа выйдет за околицу, но, глядь, и уже обратно торопится.

В целом же Россия никуда не движется, у нас всегда XVII век, как нам сказали. Либо движется к тоталитаризму, который других отчего-то всегда пугает больше, чем нас. Либо она просто в тупике.

В общем, если все три ответа объединить, то Россия веками стоит на месте в тоталитарном тупике.

Естественно, её зовут оттуда уйти: к нам, к нам, иди к нам, на нашу лужайку, выходи из тупика, у нас тут травка, бадминтон, сейчас принесут десерт.

(Как будто Россия, по меткому замечанию философа Владимира Бибикина, «имеет только одну идею: выровняться с Западом», от которого отстала, отстала, отстала, — Россия, ты видела ведь, как чех вырвался вперёд? венгр? румын? голландец? эстонец? испанец? что значит «не видела»? присмотришься, корова!)

Но Россия никуда не спешит, пасётся, как на привязи.

Соответственно, если сама страна не движется, то и русская душа переживает многие сложности.

Захар Прилепин

Она либо ещё в младенчестве, либо уже раба. Такое вот небывалое сочетание. Только родилась, но уже отупела, сникла, сдалась.

У русской души всегда есть обязанности: выйти на свет, соответствовать санитарным нормам, выучиться манерам, а если вдруг заговорила — заткнуться наконец.

Прав гораздо меньше: «едва вошла — уже наследила», «мы знаем, к чему ты клонишь» и прочее, прочее, поэтому какие ещё права, сначала научись вилку держать. Уже тысячу лет держит вилку, а всё равно не верят в то, что умеет её держать, — так и хочется этой вилкой ткнуть в кого-нибудь со зла.

Русской душе всё время предлагают зеркало, подносят к самому лицу, как будто она близорукая: полюбуйся. (Слышится при этом: полюбуйся, животное.) В зеркале какие-то корни, или кишки, чернота, сырость. Может, это вид на дерево снизу, может, портрет коровы изнутри, может, ещё что-то непотребное.

У всех есть представление о нас, одни мы о себе представления не имеем.

Когда русское пытаешься формулировать на европейский лад — оно рассыпается, поэтому философию нам всегда заменяла литература. Что такое немец — можно гениально сформулировать, немец и сам гениален; а о том, что такое русский, говорят, говорят, говорят, будто бы в бесконечном припадке, сразу сто героев Достоевского — все одновременно, все наперебой, — голова кружится, но ничего не ясно.

Наша философия — это почти всегда музыка. Русские философы писали прозу (берём с противоположных сторон по фамилии — Константин Леон-

Скажу о том, о чём верней смолчать

тьев и Чернышевский), либо философию писали как прозу (Розанов), либо писали стихи (Вячеслав Иванов, Флоренский, Лосев), либо писали философию как стихи (Бердяев). Либо, наконец, писали и философию, и стихи, и прозу (Мережковский, Андрей Белый). Да что там: Ленин — и тот называл себя «литератор».

Может, в России не всегда нужна мысль, достаточно одного языка, если ты умеешь им сказать, пропеть на нём?

«О, Руськая земле, уже зашеломянем еси!» — разве после этих слов что-то требуется доказывать?

Русское кроется в чём-то таком, что больше человеческого (потому наша жизнь часто бесчеловечна).

«Внешний образ раба, в котором находится наш народ... не может служить возражением против её призвания, но скорее подтверждает его. Ибо та высшая сила, которую русский народ должен провести в человечество, есть сила не от мира сего», — писал философ Владимир Соловьёв.

Вы можете сказать, что в этом и кроется исток извечной русской безответственности, а мы ответим, что в этих, более ста лет назад сказанных словах Соловьёва кроется пророчество того, что русский первым шагнёт в космос: если сила его не от мира — ему за пределы мира и предназначен первый шаг.

Русский характер силен тем, чем слаба русская душа.

Русский характер безропотен — русская душа гонима, бита.

Русский характер суров, твёрд, морозоустойчив — русская душа приморожена, припорошена, медленна.